

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

ДВА СПОРНЫХ ВОПРОСА СРАВНИТЕЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ
ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ

1. О происхождении элемента *l* в окончаниях так называемых
внешнеместных падежей

Отличительным признаком внешнеместных падежей в прибалтийско-финских языках, как известно, является наличие в составе их окончаний характерного элемента *l*. Ср. формы адессива: фин. *ikkunalla* «на окне», эст. *laual* «на столе»; формы аблатива: фин. *talolta* «от дома», эст. *lauall* «со стола»; формы аллатива: фин. *järvelle* «к озеру», эст. *lauale* «на стол».

Элемент *l* обнаруживается также в составе окончаний некоторых местных падежей в пермских языках: ср. коми-зырянские форму дательного падежа *verlij* «лесу», форму апроксиматива *verlañ* «по направлению к лесу» и соответствующие падежные формы в удмуртском языке: *ñuleslij* «лесу», *ñuleslañ* «по направлению к лесу». Не чужд элемент *l* и падежным окончаниям марийского языка, ср. луг. марийск. *joltašlan* «товарищу», горно-марийск. *tulleč* «от огня» и т. д.

Относительно происхождения элемента *l* высказывались различные предположения. Е. Лёнрот, рассматривая это явление в финском языке, пытался связать элемент *l* с существительным *liki* «близость» («närlhet»)¹. Того же мнения о происхождении *l* придерживался Боллер². В. Шотт возводил элемент *l* к финскому существительному *ala* «поверхность»³. Эта же точка зрения развивалась впоследствии А. Алквистом⁴.

О. Доннер попытался связать элемент *l* с финским словообразовательным суффиксом *la*⁵, заложив тем самым основу широко распространенной в настоящее время гипотезы о происхождении элемента *l*. Согласно этой гипотезе, которая наиболее четко была сформулирована И. Синнеем⁶, элемент *l*, характеризующий группу падежных суффиксов в прибалтийско-финском, марийском (или, как пишет Синней в согласии со старой терминологией, черемисском), первоначально был словообразовательным суффиксом, сохранившимся до сих пор в финском (*-la*, *-lä*) и в пермских языках (*-la*); ср., например, фин. *rappila* «дом священника» (*rappi* «священник»), *appela* «дом тестя» (*appi* «тесть») и т. п. Следы этого словообразовательного суффикса можно найти также в лапландском, мордовском и венгерском языках. При образовании форм местных падежей слов, имеющих в своем составе суффикс *-la*, произошло переразложение основы, в результате чего *l* вместе с падежным суффиксом стал восприниматься

¹ Е. L ö n r o t, 'Bidrag til finska språkets grammatik, «Suomi», hf. 5, Helsinki, 1841, стр. 35.

² Prof. B o l l e r, Die finnischen Sprachen (Aus dem Jännerhefte des Jahrganges 1853 der «Sitzungsberichte der phil.-hist. Classe der kais. Akademie der Wissenschaften» [Bd. X] besonders abgedruckt), 6. r.

³ W. S c h o t t, Altajische Studien oder Untersuchungen auf dem Gebiete der Altai-Sprachen, I, Berlin, 1860, стр. 591.

⁴ А. A l q u i s t, Suomen kielen rakennus, Helsinki, 1877, стр. 105, 106.

⁵ О. D o n n e r, Die gegenseitige Verwandtschaft der finnisch-ugrischen Sprachen, Helsinki, 1879, стр. 92.

⁶ См. J. S z i n n y e i, Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, Leipzig, 1910.

как показатель падежа. Таким путем новый суффикс абстрагировался и стал распространяться дальше; Синней пытается объяснить таким образом происхождение пермского адессива на *-len*, *-len*, аллатива на *-li*, аппроксиматива на *-lan*, финского адессива на *-lla*, *-llä*, финского аблатива на *-lta*, *-ltä*, старофинского аллатива на *-len* и марийского аллатива на *-lan*¹.

В финно-угроведении, как уже упоминалось выше, эта гипотеза получила всеобщее признание, сторонниками ее являются многие выдающиеся исследователи финно-угорских языков².

Переразложение основ является довольно обычным явлением и нередко наблюдается в самых различных языках. Однако одним из основных недостатков традиционного финно-угроведения, как и традиционной индоевропеистики, является такой подход к объяснению происхождения форм, при котором внимание исследователей часто обращается только на внешнее созвучие различных формативов и даже не ставится вопрос о том, есть ли в исходной форме какие-либо семантические предпосылки для возникновения нового значения.

Внешнеместные падежи, содержащие в составе своих окончаний элемент *l*, в прибалтийско-финских языках имеют вполне определенную семантику: они обозначают или движение по направлению к предмету, без проникновения в его внутреннюю сферу, или местонахождение на поверхности предмета; таким образом, понятие внутренней сферы предмета совершенно исключено из значения внешнеместных падежей.

Если рассуждать чисто логически, то необходимо признать, что форматив, из которого возник элемент *l*, должен был обладать тождественной или по крайней мере сходной семантикой. Если бы источником образования элемента *l* действительно был словообразовательный суффикс *-la*, скажем, в слове *setälä* «дом дяди», то этот суффикс непременно должен был бы содержать в своем значении понятие поверхности предмета. Только наличие такой семантики могло обусловить роль элемента *l* в создании новой серии местных падежей, из значения которых совершенно исключено понятие внутренней сферы предмета.

Такого значения в фин. *setälä*, коми-зырян. *vod'z'la* «передняя часть» и подобных им словах, содержащих суффикс *-la*, нет. В связи с этим возникает вполне законный вопрос: если в семантике словообразовательного суффикса *-la* не содержится никаких точек опоры для значения внешнеместных падежей, то совершенно непонятно, как этот суффикс мог послужить основой для образования показателя целой серии этих падежей с вполне определенной семантикой.

В связи с этим возникает и другое, не менее серьезное противоречие. Если предположить, что словообразовательный суффикс *-la* не обладал какой-либо особой семантикой, то он мог бы быть механически распространен по аналогии и на внутреннеместные падежи, однако в действительности внутреннеместные падежи оказывают упорное сопротивление проникновению элемента *l*; ср. формы аллатива: фин. *taloon* «в дом», коми-зырян. *kerkaž* «в дом», марийск. *tšodraške* «в лес»; формы элатива: фин. *talosta* «из дома», коми-зырян. *vgrjś* «из леса» и т. д. Это *contraditio in adjecto* явно свидетельствует о том, что общепринятая гипотеза неверна по самой своей сущности.

Происхождение *l*-ового элемента окончаний внешнеместных падежей, по нашему мнению, следует искать не в словообразовательном суффиксе *-la*. Элемент *l*, вероятнее всего, произошел от какого-то внешнеместного паде-

¹ См. об этом там же, стр. 73—74.

² См. J. B u d e n z, *Az ugor nyelvek összehasonlító alaktana*, Budapest, 1884, стр. 296; Ö. B e k e, *Cseremisiz nyelvtan*, Budapest, 1911, стр. 190; T. E. U o t i l a, *Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen*, Helsinki, 1933, стр. 199; Д. В. Б у б р и х, *Историческая морфология финского языка*, М.—Л., 1955, стр. 28 и др.

жа, обозначавшего или местонахождение на поверхности предмета, или движение к предмету без проникновения в его внутреннюю сферу.

Материалы современных финно-угорских языков не дают никаких данных, подтверждающих былое существование в финно-угорских языках *l*-ового аблатива. В обско-угорских языках встречаются аблативные образования с исходом на *l* типа мансийского *numəl* «сверху» (ср. также венгерские надежные суффиксы с исходом на *tol, töl, rol, röl, bol, böl*, например *fatol, farol* «от дерева» и т. д.), но этому *l* в других финно-угорских языках обычно соответствует *t* или *d* (ср. финскую форму партитива *vet-tä* «воду», образовавшуюся из древнего аблатива на *-ta, -tä*; эрзя-мордов. *kudodo* «из дома» и т. д.). Следовательно, этим путем объяснить происхождение элемента *l* надежных окончаний прибалтийско-финских, пермских и марийского языков нельзя. Но если нет данных для предположения о былом существовании в финно-угорских языках *l*-ового аблатива, то для предположения о существовании *l*-ового аллатива такие данные, по нашему мнению, имеются.

Прежде всего обращает на себя внимание так называемый конзекутив (достигаемый падеж) на *-la* в современном коми-зырянском языке, обозначающий цель действия, например *muna verę tšakla* «я иду в лес за грибами», *vala munni* «идти за водой».

Коми-зырянский конзекутив возник из древнего финно-угорского аллатива на *-la*, и *muna verę tšakla* некогда обозначало «иду в ту сторону, где растут грибы» или «иду к грибам». В пользу такого предположения говорит тот любопытный факт, что в других языках в выражении подобного рода коми-зырянскому конзекутиву соответствует дательный или направительный падеж; ср. татар. *suča barârça* «идти за водой», удм. *vulj mîniñi*, эрзя-мордов. *ved's molems*, мансийск. *витн минуџкае*, марийск. *vütlan kajaš*, хант. *jiŋka manta*. Аллатив на *-la* отчасти сохранился и в современном марийском языке, обозначая там неопределенное направление движения, например *Joškar-olaškêla kaišêš kornê* «дорога, ведущая по направлению к Йошкар-Ола» (ср. *Joškar-olaškê kaišêš kornê* «дорога, ведущая в Йошкар-Ола»)¹. Марийский суффикс *-škêla* состоит из двух суффиксов — лативного суффикса *škê*² и суффикса *-la*.

От древнего аллатива на *-la* происходит, вне всякого сомнения, широко распространенный в коми-зырянском и удмуртском языке апроксиматив на *-lan*. Ср. в коми-зырянском *muna verlan* «иду в сторону леса, к лесу», а также аллатив на *-lan* в современном марийском языке, например луг. марийск. *joltašlan* «товарищу».

Есть основание предполагать, что старофинский аллатив на *-len*, ср. совр. фин. *kaivolle* «к колодцу» из *kaivolen*, *isälle* «отцу» из *isälen* (возникновение двойного *l* и отпадение *n* объясняется влиянием формы адессива на *-lla/-llä*) также произошел от древнего аллатива на *-la* (*-le* — его фонетический вариант).

Любопытно отметить, что соображения о возможной генетической связи этих падежей были сто двадцать лет тому назад высказаны М. Кастреном, который относительно происхождения коми-зырянского апроксиматива на *-lan* писал: «Этот новый падеж, по-видимому, возник из конзекутива на *-la* после того, как изменилось значение первоначального аллатива»³. М. Кастрен предполагал также наличие генетической связи между окончанием коми-зырянского конзекутива на *-la* и марийским суффиксом *-la* часто фигурирующим в образованиях наречного типа⁴. Есть также

¹ М. Ф. Дружинина, Пространственно-местные падежи в марийском языке. Канд. диссерт., М., 1951, стр. 97.

² Суффикс *-škê* исторически возник из двух лативных суффиксов — *-š* и *-kê*.

³ М. А. Castren, Elementa grammatices syrjaenae, Helsingforsiae, 1844, стр. 20.

⁴ М. А. Castren, Elementa grammatices tscheremissae, Kuopio, 1845, стр. IX—X.

у М. Кастрена предположение о близости дательного падежа на *-lle* (*-len*) в финском языке и окончания дательного падежа *-lan* в марийском языке¹. Однако М. Кастрен, к сожалению, не развил своих интересных мыслей и, указав на возможную генетическую общность названных падежей, остановился в решении этого вопроса на полдороге.

Все так называемые внешместные падежи, по нашему мнению, происходят из одного источника — общефинноугорского аллатива на *-la* (*-le*), который в некоторых финно-угорских языках, несомненно, имел фонетический вариант *-le*: на наличие такого варианта указывает старофинский аллатив на *-len*, где *-le* соединено с другим лативным суффиксом *-n* (< *-ñ*): этот же фонетический вариант мы находим в мансийском языке в образований типа *juvle* «назад».

Наличие в финно-угорском языке-основе аллатива на *-la*/*-le* послужило импульсом к созданию других форм внешместных падежей. Для обозначения, например, движения, отправляющегося от поверхности предмета по направлению к говорящему, аллатив на *-la* (поскольку он уже был связан с идеей движения, не проникающего во внутреннюю сферу предмета) мог быть соединен с древним падежным окончанием элатива; ср. фин. *talol-ta* «от дома», горно-марийск. *tullec* «от огня», коми-зырян. *verliš* «леса» (первоначально — «от леса»). Таким же образом могло возникнуть падежное окончание адессива, вернее суперессива (см. фин. *ikkunalla* «на окне» < *ikkunal-na*), хотя происхождение этого падежного показателя, как мы увидим в дальнейшем, могло быть объяснено иначе.

Сторонники общепринятой гипотезы обычно выдвигают в защиту ее еще один аргумент, который им кажется особенно веским: они указывают на довольно широкое распространение элемента *l* в различных наречных и послеложных образованиях даже в таких языках, как мордовский и лапландский, где нет лативных падежей с элементом *l*. Ср. эрзя-мордов. *vasolo* «далеко», *vasoldo* «издалека»; норв.-лапл. *baggel* «над», *mangel* «после», *avdal* «перед», *vuollet* «под»; марийск. *lišäl* «вблизи» и т. д. При этом элемент *l* во всех указанных образованиях возводится все к тому же словообразовательному суффиксу *-la*. И. Синней, рассматривая вопрос о рефлексах общефинноугорского окончания аблатива *t~d* в различных финно-угорских языках и указывая при этом, что в обско-угорских языках ему соответствует *l*, совершенно неправоммерно, с нашей точки зрения, вводил к древнему аблативу явно локативные образования типа венг. *alul* «под», *fölül* «наверху», *hatul* «сзади»². Типология развития значений вообще не знает случаев, когда бы из древнего аблативного значения развивалось инессивное или суперессивное значение.

Не свидетельствует ли наличие *l* в вышеперечисленных случаях о существовании в финно-угорском языке-основе *l*-ового локатива? Если такой *l*-овый локатив с окончаниями *-la* (*-l*) действительно существовал, то в таких случаях, как норв.-лапл. *baggel* «над», *mangel* «после» и т. п., марийск. *lišäl* «вблизи», венг. *alul* «под» и т. п., элемент *l* является реликтом этого древнего *l*-ового локатива.

По мнению эстонского языковеда Э. Паюсалу, выступившего с критикой общепринятой гипотезы, *l*-овые падежи в прибалтийско-финских языках образовались на базе исконно финно-угорских наречий места, имевших элемент *l*: фин. *täällä* «здесь», *täältä* «отсюда», эст. *seal* «там», *sealt* «оттуда» и т. д. Эти наречия отличались особенной продуктивностью именно в общеприбалтийском языке, в результате чего с течением времени в этих языках, как считает Э. Паюсалу, происходит переразложение основы: формант *-l* перестает быть частью основы и становится признаком окончания наречия. В дальнейшем сфера употребления такого слитного наречного суффикса расширяется за счет имен существительных, в системе

¹ M. A. Castren, *Elementa grammatices tscheremissae*, стр. X, XI.

² I. Szinyeyi, указ. соч., стр. 66.

склонения которых со временем и оформляются общеупотребительные *l*-овые падежи со значением места¹.

Гипотеза Э. Паюсалу в сущности мало отличается от критикуемой им гипотезы, поскольку все *l*-овые падежные окончания возводятся им к тому же самому словообразовательному суффиксу *-la*. Различие состоит лишь в том, что, по мнению Э. Паюсалу, элемент *l*, возникший из словообразовательного суффикса *-la*, в разных группах финно-угорских языков приобрел разные значения и притом в разное время.

Возражая Э. Паюсалу, мы хотели бы обратить внимание на тот факт, что основное значение *l*-овых падежей в пермских языках не есть притяжательное, как утверждает автор: все эти падежи, за исключением родительного, имеют то же специфическое значение, что и внешнеместные *l*-овые падежи в прибалтийско-финских языках. Подобно Д. В. Бубриху², Э. Паюсалу считает, что в древних финно-угорских языках один и тот же падежный формант мог развивать самые различные значения. На самом деле развитие значений падежей также имеет свои пределы и возможности.

Возвращаясь к затронутому нами вопросу о происхождении элемента *l* в окончаниях внешнеместных падежей финно-угорских языков, мы хотели бы предложить иное решение этой сложной проблемы.

В общепермском языке, по всей видимости, существовало два особых падежа — так называемый аллатив на *-la/-le* и локатив на *la/-l*. Аллатив на *-la/-le* означал движение к поверхности предмета без проникновения в его внутреннюю сферу. Локатив на *-la/-l* также был внешнеместным падежом и мог обозначать местонахождение около предмета или на его поверхности. *l*-овый локатив сохранился в некоторых наречных образованиях типа норв.-лапл. *baggiel* «над», марийск. *lišäl* «близко», венг. *alul* «под» и т. п. Не исключена также возможность наличия окончания *l*-ового локатива в окончании финского суперессива на *-lla*, где оно было соединено с окончанием *n*-ового локатива (*-lla < -lna*)³. Роль древнего *l*-ового локатива в образовании падежных окончаний финно-угорских языков вообще была очень незначительна.

Словообразовательный суффикс *-la* в словах типа фин. *setälä* «дом дяди», по-видимому, имеет другое происхождение. Он обозначает не местонахождение, а скорее отношение к чему-либо. То же самое относится и к суффиксу *-la* пермских языков в образованиях типа берл. «задняя часть», *vod'z'la* «передняя часть» и т. д. Этим, по-видимому, объясняется участие форманта *la* в образовании родительного падежа местоимений и существительных в пермских языках; ср., например, коми-зырян. *as-la-m* «меня самого», *as-la-d* «тебя самого», *as-la-s* «его самого», а также удмуртские формы родительного падежа личных местоимений *mi-l'a-m* «я», *ti-l'a-d* «ваш» и т. д. Ср. также окончание родительного падежа существительных *-len* в коми-зырянском и *-len* в удмуртском, первоначально имевшем вариант *-lan* (этот вариант до сих пор существует в диалектах, например в коми-зырянском).

В образовании серии внешнеместных *l*-овых падежей гораздо более значительной была роль древнего аллатива на *-la/-le*, послужившего основой для образования коми-зырянского коннекутива на *-la*, старофинского аллатива на *-len*, удмуртского и коми-зырянского аппроксиматива на *-lañ*, марийского дательного падежа на *-lan*, коми-зырянского и удмуртского аблатива на *-lis'*, а также аблатива на *-lla*, *-lt* в прибалтийско-финских языках и образований на *-le* с аллативным значением в мансийском языке.

¹ Э. Паюсалу, По поводу *l*-овых падежей в финно-угорских языках, «Ежегодник общества родного языка», III, Таллин, 1957 (на эстонск. и русск. языках).

² Д. В. Бубрих, Сравнительная грамматика финно-угорских языков в СССР, «Уч. зап. ЛГУ», № 105. Серия востоковед. наук, вып. 2, 1948, стр. 55.

³ Возможно также происхождение *l*-ового локатива из *l*-ового аллатива. По сообщению М. Ф. Дружининой, в звениговском говоре лугово-восточного диалекта марийского языка суффикс *-la* имеет интензивное значение, например *t odra'sla* «в лесу».

2. Существовал ли в марийском языке переход звукосочетаний $\check{s}n > \check{s}t$?

В современном финно-угроведении считается твердо установленным положение, что в марийском языке имел место переход звукосочетаний $\check{s}n > \check{s}t$.

В качестве аргументов обычно приводятся следующие факты: 1) наличие у марийского инессива окончания на $\check{s}t\check{a}$, которое якобы развилось из $\check{s}ne$, в свою очередь возникшего из более древнего sne , например: южно-лапл. *kōditsne* «в палатке», фин. *maassa* «в стране» (<*maa-sna*), марийск. *olaštā* «в городе», *vüdaštā* «в воде», *ketšəštā* «на солнце» и т. д.¹; 2) соответствие звукосочетания $\check{s}t$ в некоторых словах марийского языка звукосочетанию $\check{s}n$ в соответствующих словах финно-угорских языков, например: марийск. *šüštō* «ремень», мордов. *šna. kšna*, фин. *higna* (<литов. *šikšna*); марийск. *βište, βiste* «полба», мордов. *viš*, фин. *vehnä* «пшеница»; марийск. *šište* «дятел», коми-зырян. *s'iz'*, фин. *hähnä* и т. д.

С внешней стороны эти аргументы могут казаться весьма убедительными, на деле же это оказывается не так. Уже из сопоставления марийск. *šüštō* «ремень, кожа» с фин. *higna* и литов. *šikšna* логически следует вывод, что в марийском языке звукосочетание *kšn* упрощалось в $\check{s}n$, а затем возникло $\check{s}t$. В действительности же такого упрощения звукосочетания *kšn* в марийском языке никогда не существовало, что наглядно подтверждается такими примерами, как *pikšna* «наша стрела», *ukšna* «наша ветвь» и т. д., где группа *kšn* сохраняется. Следовательно, марийск. *šüštō* «ремень, кожа» не могло получиться из литов. *šikšna*. Предположение же о заимствовании слова *šüštō* из финского языка, где оно, по-видимому, некогда звучало как *šišna*, лишено всяких оснований, так как в момент проникновения литовских заимствований в прибалтийско-финские языки, марийцы уже не были связаны с финно-угорскими народами Прибалтики. Помимо того, слово *šüštō* в марийском языке тесно связано с исконным марийским глаголом *šüštaš* «очищать, очищать лыко от коры; сдирать что-либо», в составе которого нет звукосочетания *kšn*. Поэтому связь марийск. *šüštō* «ремень, кожа» с литов. *šikšna* и даже мордов. *kšna* весьма сомнительна.

Несвободно от противоречий и сопоставление марийск. *šište* «дятел» и фин. *hähnä*. Заранее сформулированный тезис не позволял сторонникам этой гипотезы принять во внимание несомненно родственное марийскому *šište* эрзя-мордовское *žekšata* «дятел», иначе им было бы ясно, что конечное *tā* в *šište* может отражать древнее *t* + гласный, но не *n* + гласный. Это противоречие в еще большей степени осложняется тем, что омонимичное марийск. *šište* «воск» имеет соответствие в эрзя-мордовском языке в виде *šta* «воск»; ср. коми-зырян. *s'is'* «свеча», «воск» из *s'is't*².

В меньшей степени противоречиво сопоставление марийск. *βiste* «полба», фин. *vehnä*, эрзя-мордов. *viš*. Слово *βište* в марийских диалектах не имеет единообразного звучания (*βiste, βis'te, βište*). Этот факт свидетельствует о том, что \check{s} в слове *βište* нельзя поставить в один ряд с древнемарийским *s*, превратившимся впоследствии в \check{s} . Кроме того, непонятно, почему в мордовском языке утратился конечный слог *na*, который на самом деле никогда не исчезал; ср. литов. *šikšna* «ремень», эрзя-мордов. *kšna*, фин. *higna*; эрзя-мордов. *tokšna* «кулак». Поэтому из предполагаемого *vešna* никак не могло получиться *viš*.

В марийском языке есть случаи, когда звукосочетание $\check{s}n$ сохраняется: ср. такие наречные образования, как *lišna* «близко», *küšnō* «наверху», *tořešna* «около». Переход $\check{s}n$ в $\check{s}t$ в марийском также не осуществлялся в таких случаях, как *iləšna* «наша жизнь», *βutšəšna* «мы ждали», *kučəšnaš* «гордиться», *ušnaš* «соединяться» и перед приметой желательного наклонения,

¹ J. Szinnyei, указ. соч., стр. 78, 79.

² Можно предполагать, что и коми-зырян. *s'iz'* «дятел» возникло из более древнего *s'is't*. Озвончение конечного *s'* совершилось, вероятно, под влиянием слова *s'üz'* «филин».

например *šupšnem* «я хочу тащить» и т. д. Сторонники существующей гипотезы обычно объясняют это так, что переход звукосочетания *šna* в *šta* в случаях типа *božâšna* «мы писали», *ilâšna* «наша жизнь» и т. п. привел бы к ломке системы и к возможной омонимии разных по значению личных окончаний и притяжательных суффиксов (например, *ilâšta* «наша жизнь», *ilâšta* «ваша жизнь», *božâšta* «мы писали», *božâšta* «вы писали» и т. д.), по этим причинам, считают они, переход звукосочетаний *šn* в *št* не совершился. Таким же образом объясняется сохранение звукосочетания *šn* в формах желательного наклонения.

Если даже допустить, что воздействие грамматической системы в вышеуказанных случаях действительно имело место, то все же остаются необъясненными причины сохранения этого звукосочетания в таких глаголах, как луг. марийск. *ašnaš* «содержать», горно-марийск. *jâšnâš* «занимать нарасно место». Воздействие грамматической системы здесь не имело места, и все же звукосочетание *šn* не подверглось превращению в *št*, как следовало бы ожидать.

Руководствуясь этими соображениями, мы склонны предполагать, что перехода звукосочетания *šn* в *št* в марийском языке никогда не существовало. Окончание *šite* современного марийского инессива, вернее локатива, восходит не к окончанию древнемарийского местного падежа *ne*, *nö*, сохранившегося в единичных наречиях (типа *mündârnö* «вдалеке», *jâmalnâ* «внизу», *îmbalnâ* «наверху» и т. д.), а к окончанию какого-то локативного падежа на *te* (позднее *šîâ*, *šîä*), сходного по своей семантике с местным падежом на *-ne*. Весьма возможно, что по своему происхождению этот падеж был родствен местному падежу на *-t* в мансийском языке (ср. манс. *vort* «в лесу», а также образования в венгерском языке типа *között* «между», *Koložvárott* «в Колошваре» и т. п.¹). Есть некоторые основания предполагать, что этот падеж первоначально имел пролативное значение (ср. марийский послелог *bošt* «через», например *ola bošt kajaš* «идти через город, идти по городу»).

Местный падеж и пролатив имеют известные семантические точки соприкосновения: местный падеж обозначает местонахождение, значение пролатива — местонахождение в динамике (ср. эрзя-мордов. *vir'ga moli* «идет по лесу»). Возможно, что это соприкосновение семантических сфер двух падежей явилось причиной для превращения древнего марийского пролатива на *-te* (*-šite*) в новый местный падеж, который с течением времени совершенно вытеснил некогда существовавший в марийском языке местный падеж на *-ne*.

В связи с этим вырисовывается и другая любопытная деталь: исторически окончание древнемарийского пролатива на *-šite* было составлено из окончаний двух падежей — окончания *s*-ового латива *-s* (позднее *-š*) и окончания локатива *-te*. Точно такую же структурную модель обнаруживает пролатив в коми-зырянском *vered* «по лесу» в коми-пермяцком диалекте *veret*, где окончание пролатива также, по-видимому, составлено из окончаний направительного падежа на *-e* и окончания местного падежа *-t*.

¹ J. Szinnyei, указ. соч., стр. 73.